

Выдающийся русский поэт Борис Алексеевич Чичибабин (в дальнейшем – БЧ), всю жизнь проживший на Украине, скончался 15 декабря 1994 года, за 25 дней до своего 71-летия. Он умер и похоронен в Харькове, где прошла почти вся его жизнь. (Родился в украинском Кременчуге, среднюю школу окончил в Чугуеве, Харьковской области, учился в Харьковском университете. Вот только в годы Великой Отечественной войны служил в авиачастях Закавказского военного округа Азербайджанской ССР да отсидел пятилетний тюремно-лагерный срок – в 1946-1951 годах – на российском севере, в «Вятлаге» Кировской области.)

Свою кровную связь (в прямом и фигуральном смыслах этого понятия) БЧ ощущал всегда, с юных лет до зрелых и преклонных. Огромно количество стихотворений, которые он посвятил обеим своим родинам, обеим, ибо, как и многие, *большую страну* (СССР) условно – но и содержательно – именовал Россией. Ещё в стихотворении «*Степь*», написанном не позднее 1952 года, т.е. до достижения 30-летнего возраста, поэт отдал дань любви, восхищения и благодарности русской тройке, которая здесь «*прошлась бубенцом*», но и весёлому украинскому чётру, что «*тут же топочет, закутавшись в пыль*».

*Я сам тут родился и, радостный, рос,
и сил набирался, и креп,
и слушал ритмичную музыку кос,
и ел её сладостный хлеб.*

*Тут чары смешались двух родин-сестёр,
и труд их кипит, как душа,
и воздух, как перец, горяч и остёр,
и этим я чудом дышал.*

И одинаково близки поэту гении обоих братских славянских народов: Достоевский («*Фёдор Достоевский*», 1962), Лев Толстой («*Толстой и стихи*», 1979), не говоря уже о Пушкине и Лермонтове (им, особенно первому, посвящено немало стихотворений), так сказать, с русской стороны, и Тарас Шевченко («*Тарас*», 1964? и «*Поэты*», 1992), Леся Украинка («*Леся в Ялте*», 1983?) – со стороны украинской. А был же ещё и Гоголь, про которого сказано:

*Я за душу его всей душой помолюсь
под прохладной листвой
тополей и шелковиц,
но зовёт его вечно Великая Русь
от родимых околиц.*

*И зачем он на вечные веки ушёл
за жестокой звездой окаянной дорогой
из весёлых и тихих черешневых сёл,
с Украины далёкой?*

«*Путешествие к Гоголю*», 1973

До начала 1990-х годов, когда государство (всё тот же СССР) распалось, БЧ воспевал (а, случалось, и отзывался нелицеприятно) и Украину с её городами и весями, и Россию-Русь, которые в его сознании и душе стояли рядом, иной раз почти слитно. Обращусь сперва к прекрасной элегии «*С Украиной в крови я живу на земле Украины...*» (1973). Вот его зачин, одновременно гулкой и интимный:

*С Украиной в крови я живу на земле Украины,
и, хоть русским зовусь,
потому что по-русски пишу,
на лугах доброты,
что её тополями хранимы,
место есть моему шалашу.*

Из этого семистрофья приведу целиком ещё один катрен:

*Вся б история наша сложилась
мудрей и бескровней,
если б город престольный,
лучась красотой и добром,
не на севере хмуром возвёл золочёные кровли,
а над вольным и щедрым Днепром.*

То есть в *тёплом* Киеве, а не в *студёном*, замороженном Санкт-Петербурге. По адресу имперской столицы, возведённой Петром Великим, к которому поэт неизменно питал личную антипатию, выразившуюся в стихотворениях «*Проклятие Петру*» (1970) и «*Ещё о Петре*» (1989?), в стихах БЧ содержалось немало горьких упрёков, как, впрочем, и к «старо-новой» столице – Москве. Вообще империя всегда (и в досоветские, и в советские времена) в глазах поэта была монстром, тогда как Россия метафизическая, Россия – родина великого языка

и культуры, неизменно вдохновляла его на одический распев и нежные признания в любви к её природным ландшафтам и творениям рук человеческих. Разумеется, и Украине отводилось в поэзии БЧ просторное место, что зафиксировано уже в названиях ряда стихотворений, разрабатывающих мотивы поклонения и прославления своей малой – но такой духовно вместительной – родины. Вот, к примеру (помимо «С Украиной в крови...»): «Киев» (1972), «Чернигов» (1976), «Ночью черниговской с гор араратских...» (1977), «А я живу на Украине...» (1992).

Последнее из перечисленных стихотворений, созданное уже во времена распада и раздора, сочетает в себе декларативное украинофильство (рефрен: «А я живу на Украине...»); в данном случае противительный союз «а» равнозначен категорическим «несмотря на», «вопреки») с отвращением к тем «представителям» обоих народов, которые разжигают рознь между ними. Поэт пытается вразумить «иных патриотов» (это его слова):

*...я о себе не думал сроду,
национальности какой,*

*но чуял в сумерках и молниях,
в переполохе воробьёв,
у двух народов разномовных
одну печаль, одну любовь.*

*.....
... и я живу на Украине,
двойным причастием дыша.*

(Отмечу в скобках этот характернейший для БЧ параллелизм: большое и рядом – малое.)

И он боится «за Украину и Россию, / что разорвали свой союз». Недаром сказано А. Блоком: «Сердца поэтов чутко внемлют, / В их беспокойстве – воли дремлют». И вот знаменательная – и такая печальная, но не безнадёжная – концовка этой ламентации-инвективы-завещания:

*И днём с огнём во мне гордыни
национальной не найдёшь,
но я живу на Украине,
да и зароете в неё ж.*

*Дай Бог на ней укорениться,
все беды с родиной дела.
У русского и украинца
одна судьба, одна земля.*

Быть может, когда-нибудь исполнится и эта – в сущности, предсмертная – надежда поэта, дышавшего двойным причастием, вот только когда? Пока же мы являемся свидетелями реализации пророческого опасения БЧ: мало того, что Украина и Россия разорвали свой союз; с некоторого времени они вступили между собой в необъявленную войну.

Синхронно с «А я живу на Украине...» выдохнуто поэтом призывное, отчаянное, слёзное моление: «Россия, будь!» (1992).

*Во всю сегодняшнюю жуть,
в пустыни городские
и днём шепчу: Россия, будь –
и ночью: будь, Россия.*

*.....
В трудах отмывшись добела
и разобравшись в проке,
Россия, будь, как ты была
при Пушкине и Блоке.*

А пятью годами ранее, ещё в СССР, но уже при горбачёвском правлении, со схожими словами вразумления поэт обращался к Москве (БЧ неизменно одушевлял географические локусы):

*... подделом тебе срам, что не веришь слезам
и пророков своих побиваешь камнями.*

*.....
Свои лучшие думы я вымечтал здесь,
здесь я дружбу обрёл, сочинитель элегий,
но противна душе чернорусская спесь,
и не терпит душа никаких привилегий.*

*Я полжизни отдам за московские дни,
хоть вовек не сочту, сколько было их кряду, –
но у красной стены чутко спят кистени
и сучают во сне по Охотному ряду.*

*Стыдно в ступе толочь мутны воды пестом,
стыдно новой порой да за старую песню ж, –
образумься, родная, трудом да постом,
и, пока не покаешься, да не воскреснешь.*

«Московская ода», 1987

О том, как бы расценил (выражусь осторожней: мог бы расценить) БЧ российско-украинский конфликт, нам остается только домысливать.